

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 35-ЛЕТИЮ

КАМСКО-ВЯТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

**Удмуртский государственный университет
Кафедра археологии и истории первобытного общества
Институт истории и культуры народов Приуралья**

**Археологическая экспедиция: новейшие
достижения в изучении историко-
культурного наследия Евразии**

Ижевск 2008

СТРАТЕГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ: ОПЫТ Л.Р.КЫЗЛАСОВА В ОТЫСКАНИИ И ИЗУЧЕНИИ ГОРОДОВ СРЕДИННОЙ АЗИИ

Полевое изучение мертвых городов – весьма крупных объектов особой сложности, вне всякого сомнения, требует от археолога глубоко осознанных действий, прежде всего, – вычленения первостепенных задач, разрешаемых раскопками. Однако в тех землях, которым обыденное сознание отказывает в древней и средневековой цивилизованности, постановке подобных вопросов предшествует еще и разработка особой стратегии поиска городских руин, подчас не замечаемых предшественниками и коллегами, исходящими из иных изыскательских установок.

Для уяснения обеих позиций полезен полевой опыт Л.Р.Кызласова, сумевшего внести много нового в городскую археологию Срединной Азии, как на давно освоенных этой дисциплиной территориях, так и на совершенно новых для нее пространствах. Истоки городской цивилизации были обнаружены исследователем в эпохах, до того для урбанистов неведомых (Кызласов Л.Р., 2006).

Излагать ход этих исследований можно было, исходя из хронологии памятников, однако, задачи статьи побуждают сохранить реальную последовательность научных поисков. В этом проступает осознанность и обоснованность изысканий, в том числе – этапы накопления и применения личного полевого и аналитического опыта. Неслучайно и последняя прижизненная монография Л.Р.Кызласова была посвящена городской цивилизации Срединной и Северной Азии.

1. Особенности изучения городища Ак-Бешим

В начале 1950-х гг. АН СССР ставит задачу изучения этно- и культурогенеза киргизского народа и истории Киргизии. Перед учеными, прежде всего, встает необходимость выявления основных этапов этого весьма сложного и малоизученного тогда и поныне исторического процесса. Основной археологический отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции возглавляет 29-тилетний преподаватель кафедры археологии МГУ, к 1953 г. имеющий опыт 4 лет войны и по столько же лет студенчества и самостоятельной археологической работы в межгорных долинах Тувы и Хакасии да степях Центрального Казахстана (Архипов Н.Д., 1999, с.77) – т.е. в тех землях, которые воспринимались извечным царством кочевой стихии и регионом курганной археологии. В 1949 г. им было защищено дипломное сочинение о раннесредневековых тюрках Алтая, в археологической части построенное, разумеется, на курганных древностях. Лишь в 1946 г., еще на студенческой практике, Л.Р.Кызласов руководит раскопом, вскрывшим части глинобитных стен квартального межевания гуннского города на р.Ташебе, изучавшегося В.П.Левашёвой, С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой* (Кызласов Л.Р., 2001а, с.7, 17, 115; 2006, с.162; Архипов Н.Д., 1999, с.77).

Как же строится в Киргизии археологическая работа, если заранее известно, что для нее отводится лишь два полевых сезона? Отряд направляется не на Тянь-Шань, и поныне малоизученный, хотя там, вне всяких сомнений, можно встретить изобилие курганных памятников кочевых культур разных исторических эпох, включая и те, которые окажутся прямо связаны с культурной и этнической историей киргизского народа. Знакомство с ними будет непременно осуществлено знающим саяно-алтайские древности Л.Р.Кызласовым, ради выяснения достоверности обсуждавшихся в литературе гипотетических этногенетических связей киргизов с древними насельниками Енисея, но это полевое исследование, проведен-

*С.В.Киселев был инициатором изучения древних и средневековых городов Южной Сибири и Центральной Азии. В 1946 и 1947 гг. он и Л.А.Евтюхова провели первое обширное археологическое обследование лишь в 1944 г. присоединившейся к СССР Тувинской Народной Республики. В эту разведку был вовлечен студент Л.Р.Кызласов. В 1948 и 1949 гг. С.В.Киселев руководил широкими раскопками Каракорума, до того не изучавшегося, в 1957-1959 гг. – монгольских городов на реках Хирхира и Кондуй в Читинской области.

ное при учете имеющихся музейных собраний, будет основано на изучении внешних особенностей памятников и станет проводиться только в ходе маршрутных, а не раскопчных работ, обнаружит полное несоответствие южносибирских и тянь-шаньских раннесредневековых древностей и приведет археолога к закономерному отказу от миграционной сибирской гипотезы происхождения киргизского народа (Кызласов Л.Р., 1959а; 1959б).

Характер археологических работ в Киргизии определит не предшествующий личный полевой опыт исследователя, а стоящая перед ним научная задача. В 1953 г. археологический отряд Л.Р.Кызласова направится в Семиречье, в долину р. Чу и получит наименование Чуйского. Археолог избирает ключевую для хода местной истории долину на основании предварительного изучения письменных источников и историографии, от начала исследований в конце XIX в. до трудов археологов-современников: В.В.Бартольда, М.Е.Массона, А.И.Тереножкина, А.Н.Бернштама и П.Н.Кожемяко. Изначальную направленность изысканий на городские объекты обнаруживает предварительная подготовленность исследователя, сразу же проявленная на деле: знание особенностей городской археологии не только Семиречья, но и всей Средней Азии, прежде всего согдийской, способность определять культурную и хронологическую принадлежность разнохарактерных керамических, монетных и иных находок.

Для раскопок избирается Ак-Бешим – самое крупное городище Чуйской долины (площадь шахристана 35, а рабата – свыше 60 га), в то время считавшееся развалинами великолепной караханидской столицы Баласагуна. Впервые на этом величественном памятнике разворачивается широкое археологическое исследование. За два сезона 1953 и 1954 гг. были разрешены основные вопросы, связанные с городищем, и разрешены настолько удачно и основательно, что последующие раскопки (Л.П.Зяблина – 1955-1958 гг. и Г.Л.Семенова и К.И.Ташбаевой – 1996-1997 гг.) лишь дополнили, но не изменили полученную картину.

Стремясь выявить основные проблемы истории средневекового города, Чуйский отряд не тронул хорошо заметной цитадели Ак-Бешима. Вместо этого, на шахристане были заложены и полностью пройдены (на глубину 8,5 м) два небольших по площади стратиграфических раскопа (объект II, раскопы 1 и 2), надежно определившие время сложения и жизни городского ядра – между V и X вв. Тем самым было археологическими фактами установлено, что городище Ак-Бешим не может быть руинами Баласагуна – города, согласно письменным свидетельствам, существовавшего с XI до XIV в.

Какой иной раннесредневековый город мог оставить столь внушительные развалины? Для понимания этого требовалось установить основные культурные особенности города и состав его населения. Объекты, способные пролить свет на наиболее значимые черты давно минувшей жизни, следовало избрать из огромного числа холмов, изобильно покрывавших обширную площадь городища. Почему были выбраны именно те четыре бугра, которые в 1953 и 1954 гг. подверглись тщательным раскопкам и в результате принесли ответы на все поставленные вопросы?

Поиски велись за пределами шахристана – предварительное знакомство с особенностями раскопок раннесредневековых городов Средней Азии в целом укрепило начальника Чуйского отряда в мысли, что в плотной и многоярусной городской застройке здесь за два полевых сезона не удастся добыть нужных культурных характеристик. Все раскопанные отрядом объекты были избраны за пределами городских крепостных стен Ак-Бешима и располагались изолированно, что позволяло провести цельное их исследование (рис. 2).

Объекты I и IV до начала работ имели рельеф, указывающий на обширные внутренние дворы и возвышенные части связанных с ними крупных сооружений. Эти особенности живо напомнили Л.Р.Кызласову знакомые по публикациям раскопанные к тому времени пенджикентские храмы, тем самым позволили определить культовое назначение разрушившихся и оваловавшихся построек. В результате Чуйским отрядом были впервые обнаружены и археологически изучены на землях Средней Азии ранний буддийский храм и несторианская церковь. Внешность двух других небольших бугров Ак-Бешима несли признаки погребальных сооружений: объект III также открыл науке до того неведомую

категорию памятников – манихейское кладбище, а объект V, как поначалу казалось, – остатки согдийской жилой замковой башни, восстановленной по характерному архитектурному декору, а в дальнейшем определенной автором работ как погребальная дахма, выстроенная в стиле жилой башни (Кызласов Л.Р., 1957; 1958; 1959в; 2006, с.219-350; 2008; Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.К., 1958).

При раскопках буддийского храма, Л.Р.Кызласовым была разработана методика раскопок с проходящими через постройку стратиграфическими экранами, до того в Средней Азии не применявшаяся, ныне же принятая повсеместно. Она позволила детально проследить все четыре этапа жизни сооружения и производившиеся в нем перестройки, тем самым, прояснив первоначальный облик храма и создав условия для реконструкции его внешних особенностей. По культовым остаткам определив сооружение ак-бешимского храма в честь будды Мартрейи, исследователь сумел по архитектурным особенностям и сделанным археологическим находкам установить согдийскую принадлежность его строителей и указать весьма узкую дату его сооружения: самый конец VII – начало VIII в.

В дальнейшем именно полученные при раскопках храма результаты привели к определению имени раннесредневекового города, скрытого под развалинами Ак-Бешима. Им оказалась столица Западного Тюркского каганата – город Суяб. Археологически установленная датировка храма через 40 лет после его раскопок получила полное подтверждение при анализе танских письменных документов: объект I оказался развалинами монастыря Да Юнь, построенного в честь Мартрейи между 692 и 705 гг.

В последней прижизненной книге Л.Р.Кызласов по расположению раскопанных им в Ак-Бешиме объектов впервые установил существование в раннесредневековых городах Средней Азии особых сакральных зон, закрепленных вне городского центра за каждой из исповадовавшихся жителями мировых религий того времени. Юг оказался связан с буддизмом, восток – с христианством, запад – с манихейством, а север – с зороастризмом (рис. 2) (Кызласов Л.Р., 2006, с.343-346; 2008, с.45-48).

2. Открытие монгольских городов в Туве

На третий полевой сезон, в 1955 г., археологический отряд Киргизской комплексной экспедиции становится Тувинским – приобретенный в Средней Азии опыт изучения городов незамедлительно переносится Л.Р.Кызласовым в Южную Сибирь. Организационно исследования обеспечиваются и созданием на кафедре МГУ Тувинской археологической экспедиции. Целенаправленные обширные разведки привели к обнаружению в Тувинской котловине двух поселений и шести монгольских городов XIII-XIV вв., раскопки которых были начаты уже на следующий год. Они продолжались пять лет, в 1956-1958, 1960 и 1962 гг. (Архипов Н.Д., 1999, с.78, 79; Кызласов Л.Р., 1959г; 1963; 1964а, с.84-92; 1965; 1969, с.11-12, 130-171; 1975; 2002).

Исследованию вновь помогло детальное изучение работ предшественников и студенческое участие в поездках С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой. Не отмеченное в сохранившихся полевых записях А.В.Адрианова пребывание на городище Дён-Терек в 1915 г. было установлено по давней газетной статье ученого (переизданной в «Известиях Археологической комиссии» без подписи) и уцелевшему в его архиве в ЛО ИА АН СССР беспаспортному фотоснимку кровельной черепицы. Посещение того же памятника С.А.Теплоуховым в 1926 г. документировалось упоминанием в его рукописном дневнике и хранящейся в Гос. Эрмитаже небольшой коллекцией подъемного материала. До того эти факты оставались неизвестными – С.В.Киселеву и Л.А.Евтюховой в 1947 г. Дён-Терек был указан местными крестьянами. Никто из сибиреведов не увидел здесь города, осмотру подвергались руины единственного здания на краю памятника – место добычи селянами древнего обожженного кирпича. Исследователи сочли их руинами поздней монастырской постройки.

Работы 1956 г. показали, что городище Дён-Терек было развалинами одного из древнейших монгольских городов, существовавшего в первой половине XIII в. и занимавшего среди проток реки Элегеста три соседних острова. Площадь памятника составила около 30 га, он

протянулся на 1200 м и сохранил следы 120 зданий. Как и прочие монгольские города XIII-XIV вв., этот не имел укреплений (рис. 1), что создавало понятные трудности для археологического поиска^{**}. Однако, воспринимая такую культурную особенность как отличительный признак объектов, Л.Р.Кызласов учел своеобразие ландшафтного размещения отрезанного водотоками первого памятника и, обследуя подобные ограниченные излучинами рек поляны левобережья Улуг-Хема – наиболее плодородной части Тувинской котловины, сумел отыскать руины прочих монгольских городов: Оймакского, Межегейского, Могойского, Элегестского и Эртине-Булакского. Постройки в них были наземными и по прошествии столетий выделялись легкими всхолмлениями развалов стен или насыпных платформ.

Делу, разумеется, помогал опрос населения, способствовала и старая литература – в ней отыскивались упоминания о характерных древностях, встреченных путешественниками в местах с подходящим ландшафтом. Речь идет о погребальной скульптуре, некогда стоявшей аллеей у могилы и ныне указывавшей на городские грунтовые кладбища, характерные для монгольской культуры этой эпохи. Первоначально таким образом был отыскан могильник в 1-1,5 км от городища Дён-Терек (урочище Базырт-Даш): рассказы жителей в дальнейшем подтвердились обнаруженными в архиве А.В.Адрианова в Томском университете указаниями на фотоснимки двух каменных львов, сделанные в 1915 г., а также фотографиями и описаниями, помещенными в публикации И.Г.Гренэ за 1907 г. До 1956 г. изваяния не уцелели, но подобные находки были сделаны Тувинской экспедицией по упоминанию И.Г.Гренэ в другой долине – в урочище Чурумал. Кладбище относилось к открытому благодаря нему городищу Оймак – правильно выделенные поисковые признаки древнемонгольских городов привели к закономерному успеху. Вероятные следы еще одного монгольского кладбища – две скульптуры сидящих львов, были отмечены под горой Хайыракан в урочище Эль-Бажи на Енисее по данным литературным (А.Ф.Кон, 1903 г.) и архивным (фото А.В.Адрианова, 1916 г.) с привлечением хранящихся в Минусинске эпиграфических находок.

Полученный на Ак-Бешиме навык обследования широкой округи городищ позволил обнаружить не только близлежащие к Дён-Тереку города на р. Элегест или их городские кладбища (включая курганный могильник на Межегее и мусульманский с мавзолеем в Эртине-Булаке), но и каменноугольные шахты XIII-XIV вв. (известные геологам), и остатки земледельческого хутора близ д.Сосновка. На площади городища Оймак до раскопок были отысканы части нескольких каменных буддийских скульптур, указавшие на бывший здесь религиозный центр, и постамент в виде черепахи для стелы с высеченным официальным указом – несомненное свидетельство высокого административного статуса бывшего здесь монгольского города.

За все годы работы в Туве экспедиция Л.Р.Кызласова редко превышала 5-6 человек студентов-археологов, что, естественно, постоянно требовало от исследователя четкого отбора первостепенных задач, разрешаемых раскопками в сжатые сроки и минимальными усилиями.

Введение в науку новой категории памятников Южной Сибири, меняющей устоявшиеся представления о важнейшей средневековой эпохе в истории Евразии, требовало прочных обоснований. Тувинской экспедицией раскопки велись на большинстве древнемонгольских памятников: на Дён-Тереке, Оймаке, Эртине-Булакском и Межегейском городищах. На трех первых изучалось по одному рядовому жилищу или полной усадьбе, подчиненных общему архитектурному канону каркасного строительства и снабженных отопляемыми лежанками-канами. Этим было выявлено культурное единство и принадлежность поселений. Полученные материалы оказались эталонными – последующие исследования археологов-медиевистов показали, что именно такие дома отличают монгольские города на всем пространстве былого евразийского государства: от Молдавии до Восточной Сибири. Тем

^{**} В строгом смысле именовать остатки таких городов городищами неверно (Кызласов Л.Р., 1964а, с.61). Однако такова сложившаяся в науке традиция, охватывающая как монгольские памятники Европы, так и Южной и Восточной Сибири.

самым опровергается расхожее мнение, что города монголам строили захваченные ими чужеземные ремесленники, а не собственные строители.

Следом за объектами массового облика на площади открытых городов Л.Р.Кызласовым раскапывались всхолмления нетипичных форм, образовавшиеся, как оказалось, от разрушения богатых двухкамерных жилищ, домов с мастерской (Дён-Терек), производственными остатками (скоплением металлургического шлака и кокса – Дён-Терек), административных зданий (Дён-Терек, Оймак), дворцовых построек (Дён-Терек). На Межегейском городище по проступавшим планиграфическим особенностям был опознан и раскопан буддийский храм, при въезде на памятник уцелела буддийская ступа. Столь различные по назначению объекты дали конкретный и богатый материал по истории монгольского строительного дела, архитектуры, художественного оформления зданий и их интерьеров. В области городской культуры выяснились не только самобытные монгольские черты, но и плодотворное воздействие различных традиций центральноазиатского и дальневосточного зодчества.

Раскопками прослеживались и основы городской планировки, в частности размещение рядовых построек в окружении административных зданий (Дён-Терек). На эти же вопросы отвечали и общие топографические планы, снятые на каждом открытом памятнике (рис. 3).

Успехи полевой работы, как известно, не приводят сами собою к прочному их пониманию. Подобно ситуации с городищем Ак-Бешим, под воздействием историографии первоначально воспринимавшимся руинами города Баласагуна и затем в результате добытых археологических данных получившего другое историческое истолкование, осмысление открытых в Тувинской котловине городов прошло два этапа. Первоначально, по результатам трех сезонов работ на Дён-Тереке и Оймаке (1956-1958 гг.), эти городские памятники и культурно связанные с ними иные объекты (буддийская ниша в урочище Чурумал, мусульманское кладбище на Хемчике) были определены как киданьские (кара-китайские) и датированы концом XII – началом XIII в. (Кызласов Л.Р., 1959, с.75-80). Автор с одной стороны следовал утверждениям предшествующей исследовательской литературы (прежде всего, В.В.Бартольд), утверждавшей (как выяснилось, ошибочно), что территория Тувы в XI-XII вв. входила в киданьскую империю Ляо. С другой стороны к этому побуждали и полученные археологические данные, т.к. на памятниках были обнаружены характерные сунские монеты и посуда, монеты чжурчжэньского государства Цзинь, и отсутствовали юаньские и южносунские изделия, а каркасные сооружения на платформах – характерны именно для дальневосточного домостроительства. Датировку и культурное определение памятников принял С.В.Киселев (1958, с.107, 109). В этом нет ничего удивительного, поскольку материальную культуру ранних монгольских городов в то время археологи еще не знали. Работы в Дён-Тереке помогли выделению ранних слоев Кара-Корума.

Последующее углубленное изучение источников, относящихся как к истории киданей, никогда Южной Сибирью не обладавших, так и монголов, распространивших власть на Саяно-Алтай уже в 1207 г. привели к правильному историческому определению объектов. Этому весьма способствовало наращение археологических данных: выяснившееся вхождение Тувы вплоть до монгольского нашествия в Древнехакасское государство, отсутствие городских стен во всех случаях, особенности культуры, полученные при раскопках Межегейского городища уже в 1960 г. Как видим, и в этом случае ясно проступает самостоятельное значение археологических источников, вызывающих новый взгляд на ход исторических событий и заменяющие благодаря этому историографические позиции, выстроенные без материалов нашей науки.

Установленное Л.Р.Кызласовым расположение древнемонгольских городов Тувинской котловины двумя районами было сопоставлено с административным устройством этих земель при монгольском владычестве, учредившем два округа: Кяньчжоу (Енисейский округ) и Иланьчжоу (Змеиный округ). Центром одного из них оказался город в местности Оймак, второго – в местности Дён-Терек, а затем сменивший его город, ставший Межегейским городищем.

Раскопки древнемонгольских городов показали основы их хозяйства, имевшего оседлую земледельческо-скотоводческую, рудно-металлургическую, ремесленную и торговую основу. Обо всем этом свидетельствовал и выявленный многонациональный состав городского населения: монголов, китайцев, тюркоязычных обитателей Тувы, древних уйгуров и хакасов. Указывающие на многоплеменность горожан характерные находки, полученные при изучении жилищ, были дополнены раскопками погребений городских могильников: женского монгольского кенотафа близ Оймака, двух курганных древнехакасских погребений у Межегейского городища. Кладбище Эртине-Булакского городища, состоявшее из раскопанного мавзолея и частично изученных мусульманских могил, указало на пребывание здесь среднеазиатской колонии.

3. Открытие и изучение городов Уйгурского каганата

В 1957-1958 и 1960 гг., одновременно с исследованием монгольских городов, Л.Р.Кызласовым в Туве было проведено и основное изучение городов древних уйгуров.

В 1947 г. во время маршрутных работ в составе отряда С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой студент-археолог впервые познакомился с двумя уйгурскими крепостями и тремя вновь открытыми такими памятниками. Маститые сибиреведы посчитали их поздними. Принадлежность городов к Уйгурскому каганату (745-840 гг.) была установлена десятилетие спустя самим Л.Р.Кызласовым (1959г, с.66-75; 1964а, с.66-78; 1964б; 1969, с.56-87; 1979, с.145-158; 1981; Архипов Н.Д., 1999, с.78).

Начиная работы, исследователь вновь, прежде всего, ознакомился с опытом археологического изучения края учеными предшественниками. Публикации свидетельствовали, что 4-5 таких городов в 1883, 1887 и 1891 гг. были обследованы Д.А.Клеменцем. Изучение архива С.А.Теплоухова за 1927 г. не выявило никаких записей, но привело к обнаружению обособленного листа с чертежом одной из крепостей (в дальнейшем названной III Шагонарским городищем). Оба специалиста также посчитали крепости поздними и раскопок в них не проводили. Тем самым, к 1956 г. существовали те или иные сведения о 7-8 городских памятниках, время создания и характер которых оставался неведом.

За сезоны 1956-1958 гг. было выявлено и обследовано 12 подобных крепостей. На пяти из них были проведены археологические работы разной сложности. Съёмка планов пяти памятников выявила их принадлежность к одной культурной традиции (рис. 4): квадрат высоких стен (ущелевших на 2,5-2,8 м), точно ориентированный по странам света, прорезался проемами ворот с севера и востока, реже с запада и востока, однажды только с запада. Установлению уйгурской самобытности помогло предшествующее близкое знакомство исследователя со среднеазиатскими торгкулями. Обследование большой серии выделило и особенную топографию уйгурских крепостей – обычно для них выбирались низкие, хорошо защищенные водой места: поймы рек, острова, затопляемые луговины. Наполненные водой рвы сопровождали стены городов и полевые фортификации. Вал, уходящий в обе стороны от I Шагонарского городища, имел такой ров, протянувшийся на 3,3 км. Он соединял Енисей с р.Шагонарчик.

Крепости были поставлены в Туве по общему стратегическому плану, оказались соединены глинобитной Долгой стеной (длиною более 230 км) или прикрыты ею. Помимо того, они были вынесены за ее черту на сходящие с Западного Саяна конные тропы, т.е. составили единую с этой стеной систему обороны северной границы Уйгурского каганата против враждебного ему Древнехакасского государства (рис. 4,Е). Природные условия обнесения фортификацией земель показали, что уйгурская власть прежде всего защищала наиболее хлебородные районы Тувинской котловины. Поняв эти закономерности размещения городищ и их назначение, Л.Р.Кызласов смог отыскать новые памятники, пополняя их перечень при каждой поездке в Туву: количество открытых и обследованных им древнеуйгурских укреплений к 1964 г. достигло 15, а к 1977 г. составило уже 17.

Выяснилось, что первый город – опора проникновения уйгуров в новую страну, ставился по пересечению ее границы и служил защитой прибывавшим из метрополии войскам. Такова крепость Бажын-Алак, расположенная близ уйгурской тогда Монголии, на луч-

шем пути через хребты Танну-Ола после спуска в Тувинскую котловину. Площадка внутри стен была занята длинными строениями, разделенными частоколами на отсеки – возможно, казармами. После выделения основных признаков уйгурской фортификации второй подобно расположенный форпост был узан Л.Р.Кызласовым по единственному описанию П.С.Палласа. Он оказался заложен при проникновении в Хакасию, уже к северу от Саян (у с.Шушенского), по выходу в степь Енисея, служившего наиболее удобной зимней дорогой сквозь таежные хребты. Периметр этого ныне несохранившегося городища достигал 800 м. Других крепостей уйгурам в Хакасии создать, по-видимому, не довелось, пребывание их там оказалось довольно коротким.

В самой Туве исследование памятников раскопками начиналось в 1957 г. Работы были невелики по объему, но разнообразны, проведены на трех крепостях и потому показательны для нашей темы. За тот сезон был собран подъемный материал на площадках городищ, которые в те годы начали распахиваться, произведена шурфовка внутренней части I Шагонарского городища и разрез его стены, зачистка кладки стены III Шагонарского городища и обнажений кладок стен в современных ямах на крепости Бажин-Алак, а также сделаны два разреза через ее валы. Тем самым, были не только получены характеристики культурного слоя таких памятников (лежавшего не всюду, но местами достигавшего толщины в 30-40 см) и в целом указавшие на них как на убежища кочевого населения, но и выявлены все основные особенности техники их фортификационного строительства. Стены I и III Шагонарских городищ оказались глинобитными, а Бажин-Алакского и цитадели III Шагонарского были сложены из сырцового кирпича. Состав его теста и формат (42x20x10, 43x23x10 см) оказались знакомы Л.Р.Кызласову по памятникам Средней Азии и определили общую датировку крепостей – VII-IX вв. Сузить ее до середины VIII – середины IX вв. и установить культурную принадлежность городищ позволили находки обломков уйгурских станковых сосудов, типологически близких раннесредневековым так называемым «кыргызским вазам» Хакасии как и найденным С.В.Киселевым в 1949 г. на городище Хаара-Балгас в Монголии.

По окончании сезона изучение литературы и архивов позволило Л.Р.Кызласову по этим признакам впервые выделить уйгурские древности не только Тувы, но и Забайкалья (по публикациям раскопок Ю.Д.Талько-Грынцевича и документам Г.П.Сосновского в архиве ЛО ИА АН СССР) и Монголии (по описаниям Д.А.Клеменца). Тогда же свидетельства С.У.Ремезова (1701 г.) и Д.А.Клеменца (1891 г.) привели к определению древнеуйгурской принадлежности и островной крепости на оз.Тере-Холь в Восточной Туве. Надо сказать, что именно Д.А.Клеменц, снявший план городища Пор-Бажин, указал на его близкое сходство с формой руин Хара-Балгаса на Орхоне.

В 1957 г. были раскопаны и остатки одного из наземных жилищ на городище Бажин-Алак. Открыт фундамент стен из плитняка и очаг на глинобитном полу. Столбовая постройка, крытая черепицей с дисками, оформленными в стиле танской эпохи, изучена на совершенно ровной площади цитадели III Шагонарского городища в 1959 г. Раскоп к юго-востоку от городского замка не выявил остатков строений. В 1960 г. раскопки в цитадели продолжились. Выяснилось, что здания каркасной конструкции из-за близкого расположения грунтовых вод в речной пойме стояли здесь на столбах-сваях и имели глиняную обмазку стен. Новые подтверждения черепичной кровли этих строений указывали на высокий социальный статус их обитателей.

Раскоп позволил расчистить и внутреннюю поверхность стены цитадели, дополнив характеристики применявшегося сырцового кирпича и особый характер его кладки, при которой один ряд ложка сменялся 2-3 рядами тычка. Дополнительный шурф снаружи установил традицию выводить поверхность стен наклонно, с равномерным сужением кверху. Оба признака в дальнейшем оказались показательными для сырцовых строений Южной Сибири уйгурской эпохи – те же приемы строительства были отмечены в 1970-е гг. Л.Р.Кызласовым при раскопках ранних манихейских храмов Хакасии. То же можно сказать и о своеобразной

столбовой конструкции въездных ворот, раскопанных во внешней восточной стене крепости в 1960 г. (результаты были сразу же сопоставлены со сходными данными В.Л.Котвича, полученными в 1912 г. при раскопках Орду-Балыка на Орхоне). Помимо этого была изучена северная привратная башня городища. Внешние укрепления оказались не кирпичными, а глинобитными, первоначальная высота стен восстанавливается до 6 м, башен – до 7 м, глубина рва достигала примерно 3 м.

Ради комплексного изучения культуры Уйгурского каганата на прибрежной террасе были отысканы обнаруженные в 1927 г. С.А.Теплоуховым два ближайших к Шагонарским крепостям могильника Чааты I и II, отличавшиеся от иных средневековых захоронений Тувинской котловины низкими чисто земляными насыпями и погребальным обрядом. Судя по изученному рукописному отчету, Сергей Александрович раскопал 11 курганов и не пытался дать им этнического и культурного определения. Не связывал он могильники и с соседними крепостями. Л.Р.Кызласовым в 1958-1960 гг. были раскопаны еще 25 курганов. Для них оказались характерны катакомбы, редко – обычные ямы, содержавшие труположения, ориентированные головами преимущественно на север. Однокультурные находки показали, что так были погребены жители III Шагонарского городища.

Благодаря описанным работам Л.Р.Кызласов оказался первооткрывателем археологической культуры уйгуров времен каганата. Поньше она остается изученной практически только на территории Тувы и исследования последующих десятилетий не добавили ничего принципиально нового к той характеристике, которая была получена Тувинской экспедицией МГУ в конце 1950-х гг.

Остается сказать, что для возможно полного осмысления уйгурских городов Л.Р.Кызласовым был произведен свод касающихся предмета письменных данных и составлен цельный исторический очерк Тувы в период владения ею Уйгурским каганатом. Орхонские рунические надписи внесли необходимый штрих в объяснение ряда историко-архитектурных особенностей городищ – для их строительства в середине VIII в. каганская власть привлекала согдийских зодчих и ремесленников. Вполне вероятно, что снабженное цитаделью III Шагонарское городище, стоящее внутри огороженного Долгой стеной пространства и входящее в куст близкорасположенных иных уйгурских крепостей, представляет собою руины первоначальной ставки захватчика Тувы кагана Баян-чора (Моюн-чура), а затем – оставленного им наместника-тутука.

4. Открытие и изучение древнехакасских городов на Среднем Енисее

Открытию древнехакасских городов предшествовал тщательный сбор многочисленных их упоминаний в раннесредневековых арабских и персидских источниках. Хотя поиски начались уже в 1958-1959 гг. с обследования крупных горных крепостей Хакасии (Оглахтинской, длина каменных стен 25 км; Барбаковской («Белый город» русских документов XVII в.), длина стен 4 км, и т.п.), однако обнаружить археологические следы этих городов долго не удавалось. Как выяснилось в дальнейшем, причины этого заключались в том, что они, вопреки восточным описаниям, не имели укреплений, состояли из наземных деревянных построек и частью были в наши дни распаханы, частью – застроены современными поселениями. Два древнехакасских города VIII-XIII вв., известные ныне, были открыты Л.Р.Кызласовым в 1971 и 1973 гг. по руинам их сложенных из сырцового кирпича храмов. К этому привело осмысление совокупности источников, позволившее выделить в Хакасии места, которые в раннее средневековье имели особое значение в культовом и административном отношении.

На этот раз раскопки проводились непрерывно в течение 10 лет, с 1972 г. по 1981 г. (Архипов Н.Д., 1999, с.79-80), и большими силами – Л.Р.Кызласов проводил ежегодную практику студентов-первокурсников Исторического факультета МГУ и получал от университета значительные средства для найма местных землекопов, которыми выступали школьники. Число участников работ нередко превышало 100, но студентов-археологов по прежнему оставалось по 5-6 человек в год.

В малую котловину Сорга ойм, расположенную в Батеневском кряже, экспедицию МГУ привело скопление древнейших сибирских изваяний и одиночно стоящих менгиров, поскольку в 1970-1971 гг. раскопками разрешалась задача их датировки и культурной принадлежности. Впервые были выявлены относимые к позднему неолиту культовые комплексы, с которыми эти памятники были изначально связаны (Кызласов Л.Р., 1986). Святость долины на протяжении всей последующей древности и средневековья подтверждалась сохранением здесь в неприкосновенности десятков сакральных монументов 5000-летней давности^{***}. В поисках последующих культовых объектов экспедицией была проведена полная археологическая разведка местности. В 1971 г. был обнаружен отличавшийся необычной конструкцией Большой каменный курган (впоследствии раскопанный и обогативший представления о погребальных обычаях раннего железного века).

Огромный прямоугольный бугор, стоявший в линии домов на Степной улице железнодорожной станции Ербинская, напомнил Л.Р.Кызласову остатки древних среднеазиатских зданий – центр его занимала заваленная современным мусором овальная западина, указывавшая первоначальную конструкцию постройки с большим центральным залом. Сходство подчеркивала фактура стен, имеющих в срезе, где жители добывали глину, горизонтальную слоистость. Пробная зачистка выявила остатки кладки из сырцовых кирпичей, размером 48x24-26x11 см. Так были обнаружены руины Ербинского храма, целиком раскопанные в 1972-1973 гг. (Кызласов Л.Р., 1999а).

Выяснилось, что здание было построено на массивной, сложенной из гранитных валунов платформе, размерами 41x32,5 м и высотой 1,5-1,7 м, Края ее были глинобитными, ограниченными по низу опалубкой из бревен. Наружные размеры поставленных выше стен были 37,5x28,5 м, а внутренние – 33x24 м. Они сохранились на высоту до 2 м, первоначально возвышаясь над платформой до 3 м. Изнутри стены были оштукатурены глиной и побелены известью. Сохранившиеся под завалами стен остатки деревянных балок, матиц, брусьев, досок и колонн свидетельствуют, что огромный зал, вероятно, имел пристенные галереи. Вдоль северной и южной стен имелись четыре узких пьедестала, сложенных из кирпичей. Эти суфы, вероятно, служившие для размещения святынь, не раз перестраивались. Входов в здание было два, и к ним снаружи вели пологие пандусы. Восточный дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двустворчатых двери, так же, с тамбуром, был устроен и северный вход (шириною 2 м поверху и 1,3 м по низу). На объекте отсутствовали жилые остатки и отопление, что, наравне с особенностями интерьера, указывало на храмовый характер здания. Немногочисленные находки свидетельствовали, что оно было сооружено во второй половине VIII в. и продолжало существовать в IX-X вв. Храм погиб при пожаре.

Как выглядел средневековый город, отмеченный столь значимым монументальным сооружением, выяснить в те годы не удалось – всю его площадь заняла современная застройка.

Сопоставление формы хакасского названия долины Сорга со свидетельствами рунических памятников привело Л.Р.Кызласова к заключению, что известная битва орхонских тюрок с первым древнехакасским каганом, состоявшаяся зимой 710 г. «в черни Сонга», произошла в высокогорном течении реки Сон, севернее места раскопок. Обнаружение манихейского храма позволяло думать, что здесь и ранее размещался один из административных и религиозных центров Древнехакасского государства, потому Барс-каган не случайно решил дать отпор врагу в этих горах.

Котловина Сорга лежит в верховьях бассейна р. Уйбат, знаменитой в археологии крупным княжеским могильником – Уйбатским чаатасом. Вместе с приведенными данными это обстоятельство, несомненно, особо выделяет долину реки в истории Древнехакасского государства. Потому сразу же по завершению раскопок Ербинского храма Л.Р.Кызласов отправился в низовья Уйбата, где недалеко от впадения реки в Абакан им в 1973 г. и были

^{***} Лишь в ограде одного из тагарских курганов (ранний железный век) было вторично использовано единственное древнейшее изваяние.

найлены руины второго средневекового хакасского города. Он также не имел укреплений и был обнаружен среди ровного распаханного поля по двум уцелевшим буграм храмов, возведенных из сырцового кирпича.

Холмы разделяла лента современного шоссе, связывающего столичный Абакан с районным центром Аскизом, с дороги руины прекрасно просматривались. Невозможно сказать, сколько археологических экспедиций и групп проследовало в Хакасии этим путем за 2,5 века изучения местных древностей. Хорошо помню, как в 1975 г. М.П.Грязнов, взглядывая в расчищенный восточный фасад храмового здания, протянувшегося на 60 м и сохранившего кирпичную кладку высотой от 2,5 до 4 м, удивленно сказал: «Откуда же Вы это взяли, Леонид Романович? Ведь я этой дорогой с 20-го года езжу». Трудно найти более показательный пример того, как много значат для археологического поиска исходные исследовательские позиции. В отношении Южной Сибири у большинства ученых они поныне основаны на убеждении в извечном кочевом быте жителей. Потому до Л.Р.Кызласова монументальных архитектурных сооружений на Среднем Енисее вообще никто не находил.

Раскопки в дельте Уйбата шли в течение 8 сезонов, в 1974-1981 гг. Изучение обоих холмов и их окружи показало, что здесь на протяжении пяти веков существовал крупный городской духовный центр, в котором, сменяя друг друга, действовали не менее одиннадцати манихейских храмов. Большинство их представляло собою монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича, но при строительстве применялись и деревянные конструкции и пахсовые блоки. Часто использовались формировавшие интерьеры и поддерживавшие кровлю деревянные колонны.

Наиболее крупный бугор (75х52х4 м) скрывал руины трех храмов, сменявшие друг друга на одной точке, начиная с VIII в. Первоначально это было сферическое општукатуренное строение типа вихары со стенами из тонких прутьев, возведенное в западной части открытого к небу двора (22х22 м). Затем все внутреннее пространство занял колонный зал, плоскую кровлю которого поддерживали 169 мощных деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы. Позднее зал был засыпан и над ним, во втором ярусе, был сооружен квадратный храм, не имевший кровли. Основой храма служило круглое святилище (диаметром 8,8 и высотой 0,75 м), на которое с севера вела лестница в три ступени, посредине же располагался квадратный алебастровый алтарь с низким бортиком, повернутый углами по сторонам света.

В разное время к этим менявшим облик храмам были пристроены еще два небольших сырцовых и четыре деревянных святилища. С южной стороны был сооружен квадратный в плане монастырь, очевидно, разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной стене монастырской половины были оставлены широкие ворота, в которые могла проехать повозка. В результате был создан прямоугольный комплекс, общими размерами 60х30 м, вытянутый с северо-запада на юго-восток. К южному и северному углам здания были пристроены одинаковые высокие восьмигранные сооружения с уплощенным верхом. За счет выступания башен размеры всего комплекса увеличились до 72х37 м.

Самый поздний храм города был воздвигнут в XI в. Это было отдельное прямоугольное здание (20х16 м) без окон, со входом с востока. Внутри располагался зал площадью 228,5 кв.м, в западной части которого 10 колонн на каменных базах ограничивали квадратное пространство, стороной 7,5 м. По археологическим данным храм просуществовал до монгольского завоевания Хакасии, по-видимому, до 1293 г. Вместе с ним действовало и пристроенное снаружи деревянное святилище.

Вполне понятно, что при трудоемких и многолетних раскопках на Уйбате основное внимание было уделено храмам. Однако одновременно была изучена округа этих крупных объектов: сбор подъемных материалов выяснил распространение характерной городской керамики в радиусе 3 км от храмовых зданий, а привлеченные к поиску аэроснимки показали еще большую площадь заселенной территории и, главное, правильную квадратную планировку ее центральной части с протяженностью сторон в один километр. С начала работ были замече-

ны следы средневекового магистрального канала, подводившего к городу воду, затем трасса этого водотока была выявлена геодезической и аэрофотосъемкой. Частично раскапывались участки, примыкавшие к храмам снаружи. У большого бугра раскоп выявил остатки столбовой постройки и существования в городе сооружений, крытых черепицей, у малого – выявилось деревянное строение со стенами, поставленными в технике заплота. К северу от храмового участка отдельной траншеей доказано существование усадеб с глинобитными заборами-дувалами. Отдельным раскопом, обнажившим остатки нижнего ряда сырцовых кладки, были подтверждены сведения жителей о былом существовании третьего бугра, к началу работ руины этого средневекового здания были уже уничтожены при выравнивании поля.

Невиданное разнообразие раскопанных на Уйбате храмов потребовало многолетних поисков историко-архитектурного свойства. Наибольшее внимание уделялось культовому зодчеству манихейства. На былое распространение этой религии в южносибирских пределах указывала лексика енисейских рунических надписей (стела из Суджи), возникновение храмов в эпоху Уйгурского каганата (введшего у себя манихейство с 763 г.), их строительные особенности, знакомые по уйгурским крепостям (наклонность поверхности стен, 2-3 тычковые ряды кладки, столбовые конструкции ворот) и по согдийской культовой архитектуре (формат кирпича, платформы, пандусы, тамбурные двери и др.), а также состав керамических находок, содержащих вместе с местными согдийские и уйгурские формы.

Однако археологически изученных манихейских храмов попросту не оказалось. Поиск изменил направленность. К середине 1990-х гг. Л.Р.Кызласовым, объединившим описания сабейских святынь, составленные ал-Масуди (ум. в 956 г.), аш-Шахристани (ум. в 1116 г.) и ад-Димешки (XIV в.), была определена принадлежность раскопанных им храмов к древней переднеазиатской астрологической традиции, связывавшей архитектурную и планировочную форму храмов с поклонением определенным космическим телам и явлениям. Согласно средневековым описаниям, раскопанные в двух древнехакасских городах храмы оказались посвящены божественной Первопричине и Миропорядку, Марсу, Солнцу, Луне, Воздуху и Огню (Кызласов Л.Р., 1998а).

В результате проведенных в Хакасии раскопок и их исторического осмысления было сделано одно из крупнейших открытий в современном отечественном востоковедении. Л.Р.Кызласовым не только впервые было археологически доказано существование древнехакасских городов, но и многовекового распространения в раннесредневековой Сибири манихейской религии – одного из наиболее книжных и энциклопедических мировоззрений того времени. Было выявлено также, что северные манихейцы сохранили то символическое отношение к внешности храмов, которое они получили в наследство от своих предшественников-звездопоклонников. Весьма существенно, что два обнаруженных религиозных центра действовали на Среднем Енисее в течение многих веков. Этими открытиями в восприятии ранней истории Южной Сибири была попросту произведена культурная революция (Кызласов Л.Р., 2001б).

Остается отметить, что, прекратив вести полевые работы, Л.Р.Кызласов обратился к истокам и дорусской истории сибирского градостроительства, подготовив и издав на эту тему не только статьи (особо отмечу: 1998б, 1999б), но и две разных по роду обработанных источников книги: «Письменные известия о древних городах Сибири» и «Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири» (2001а). В одной монографии свод раннесредневековых данных впервые был дополнен подробным обобщающим анализом относящихся к теме русских источников позднего средневековья. В другой, также впервые, были изданы и подробно проанализированы археологические и историко-архитектурные материалы, полученные В.П.Левашевой, С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой в 1940-1941 и 1945-1946 гг. при раскопках здания I в. до н.э. близ г.Абакана, равно как и связанные с уникальным объектом исторические свидетельства ханьской эпохи. Последней прижизненной книгой ученого также стал том, посвященный обсуждаемой теме – «Городская ци-

визация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования» (2006). На его страницах представлена впервые созданная генерализованная линия единого процесса возникновения и развития городов огромной части евразийского континента. От локальных общинных центров города Срединной и Северной Азии прошли путь до средоточия вселенской культуры.

Если подытожить приемы поиска и изучения городов Срединной Азии, применявшиеся Л.Р.Кызласовым, то перечень получится скучноватым и, казалось бы, вполне ожидаемым – тщательное предваряющее и сопутствующее полевым работам изучение: политической и культурной истории края, результатов его обследования предшественниками (включая архивные данные), исследование происходящих оттуда музейных коллекций, выделение ключевых для развития региона земель. Для экспедиционных работ неизменно избирались наиболее значимые памятники и наиболее полно характеризующие их объекты. В большинстве случаев эти памятники отыскивались самим Л.Р.Кызласовым, исходившим не из наличных древностей, а из закономерностей развития культуры. Осознавались поисковые признаки объектов, начиная от их ландшафтных особенностей. Ни один из городов не изучался изолированно, для его понимания обследовалась не только вся округа, но и, по возможности, другие мертвые города того же культурного круга и той же эпохи.

За этим сжатым перечнем приемов и методик стоит живое дело, стоят основанные на понимании источников интуиция и широта профессионального мышления, способность им следовать вопреки научным стереотипам, мужество работать в одиночку, преодолевая непонимание и противодействие даже братьев по цеху. Показательно, что если труды одного человека по сути заложили основы городской археологии Южной Сибири, то за прошедшую половину века в Хакасии и Туве никто другой больше не нашел ни единого древнего города: ни гуннского или уйгурского, ни монгольского или древнехакасского. Не нашел, хотя бы случайно. При весьма масштабных, интенсивных и хорошо обеспеченных экспедиционных работах.

Кто ищет, находит. И один в поле воин.

Архипов Н.Д., 1999. Выдающийся сын земли Сибирской // Экспедиционные исследования профессора Л.Р.Кызласова. М. С.77-82.

Киселев С.В., 1958. Древние города Забайкалья // СА. №4.

Кызласов Л.Р., 1957. Работы Чуйского археологического отряда в 1953-54 гг. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXVI. М.

Кызласов Л.Р., 1958. Остатки замка VI-VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. №3.

Кызласов Л.Р., 1959а. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа) // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т.3. М.

Кызласов Л.Р., 1959б. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. VII. Абакан.

Кызласов Л.Р., 1959в. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-54 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т.2. М.

Кызласов Л.Р., 1959г. Средневековые города Тувы // СА. №3.

Кызласов Л.Р., 1963. Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА. №2.

Кызласов Л.Р., 1964а. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Серия IX, история. №4.

Кызласов Л.Р., 1964б. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.

Кызласов Л.Р., 1965. Городище Дён-Терек // Киселёв С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я., Левашёва В.П. Древнемонгольские города. М.

Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.

Кызласов Л.Р., 1975. Городище Оймак на Улут-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.

Кызласов Л.Р., 1981. Культура древних уйгур (VIII-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

- Кызласов Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.
- Кызласов Л.Р., 1998а. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8, история. №3.
- Кызласов Л.Р., 1998б. Города гуннов // Татарская археология. №2(3). Казань.
- Кызласов Л.Р., 1999а. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. №2.
- Кызласов Л.Р., 1999б. Первогорода древней Сибири (бронзовый и ранний железный век) // ВМУ. Серия 8, история. №3.
- Кызласов Л.Р., 2001а. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература РАН. 176 с.
- Кызласов Л.Р., 2001б. Сибирское манихейство // ЭО. №5.
- Кызласов Л.Р., 2002. Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на Верхнем Енисее // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. № 8. Горно-Алтайск.
- Кызласов Л.Р., 2006. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература РАН. 360 с.
- Кызласов Л.Р., 2008. Два Ак-Бешимских сюжета // РА. №2.
- Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М., 1958. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим в 1953-54 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т.XVI. М.-Л.
- Кызласов Л.Р., . Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во МГУ. 135 с.

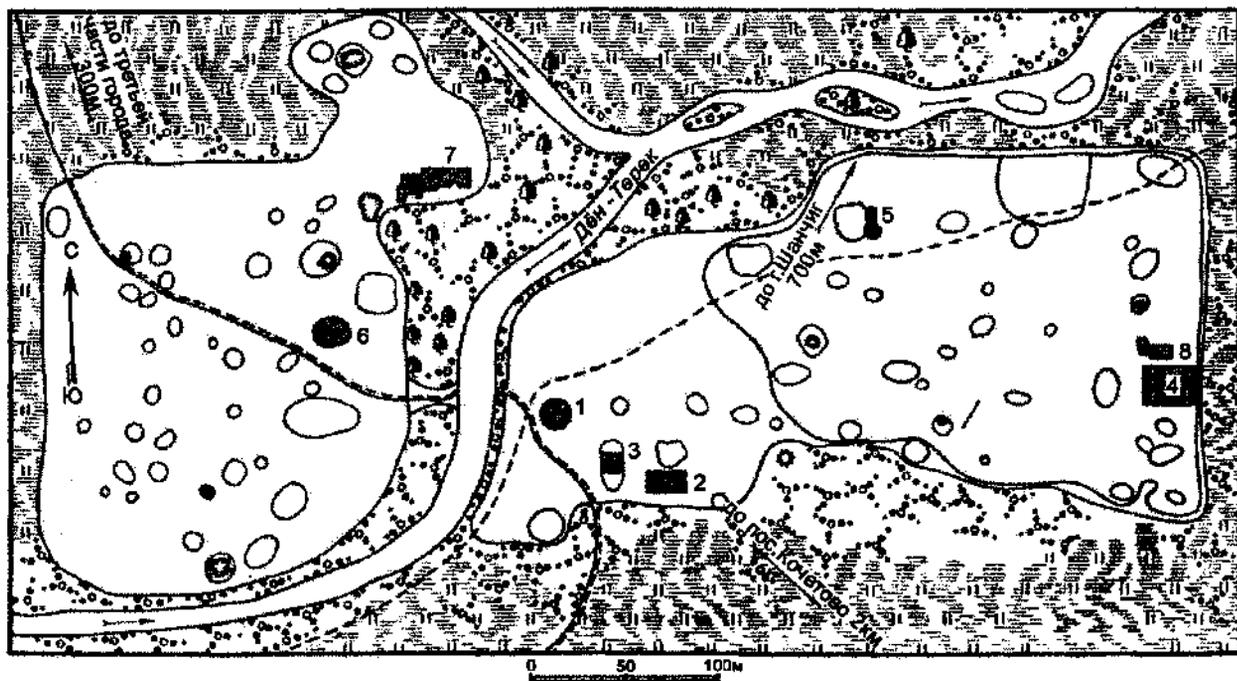

Рис. 1. План основной части городища Дён-Терек. Заштрихованы раскопанные объекты*

* Все иллюстрации – по Л.Р. Кызласову

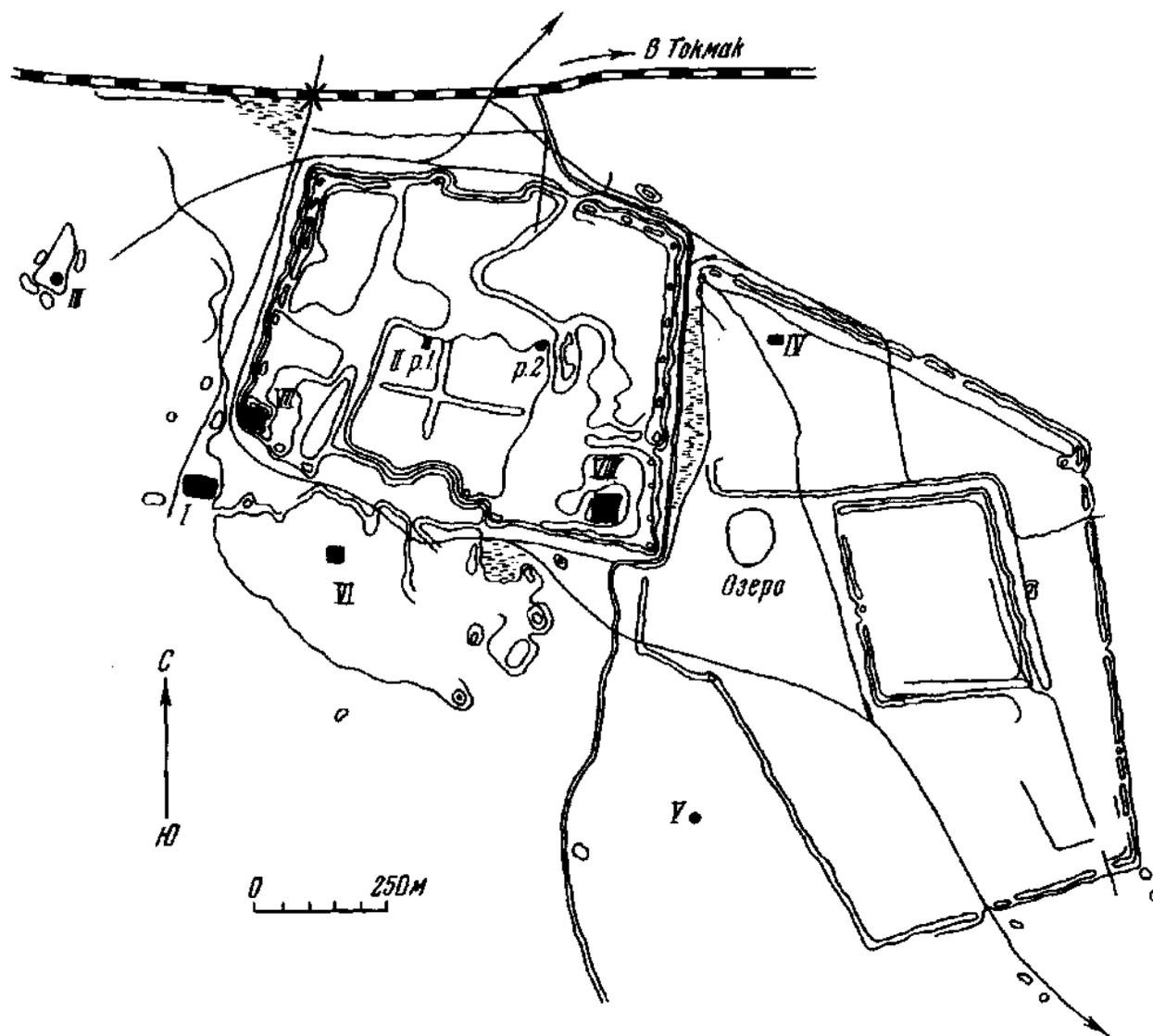

Рис. 2. Городище Ак-Бешим. Раскопанные объекты: I-V – Л.Р. Кызласовым, VI – Л.П. Зяблиным, VII-VIII – Г.Л. Семеновым и К.И. Ташбаевой

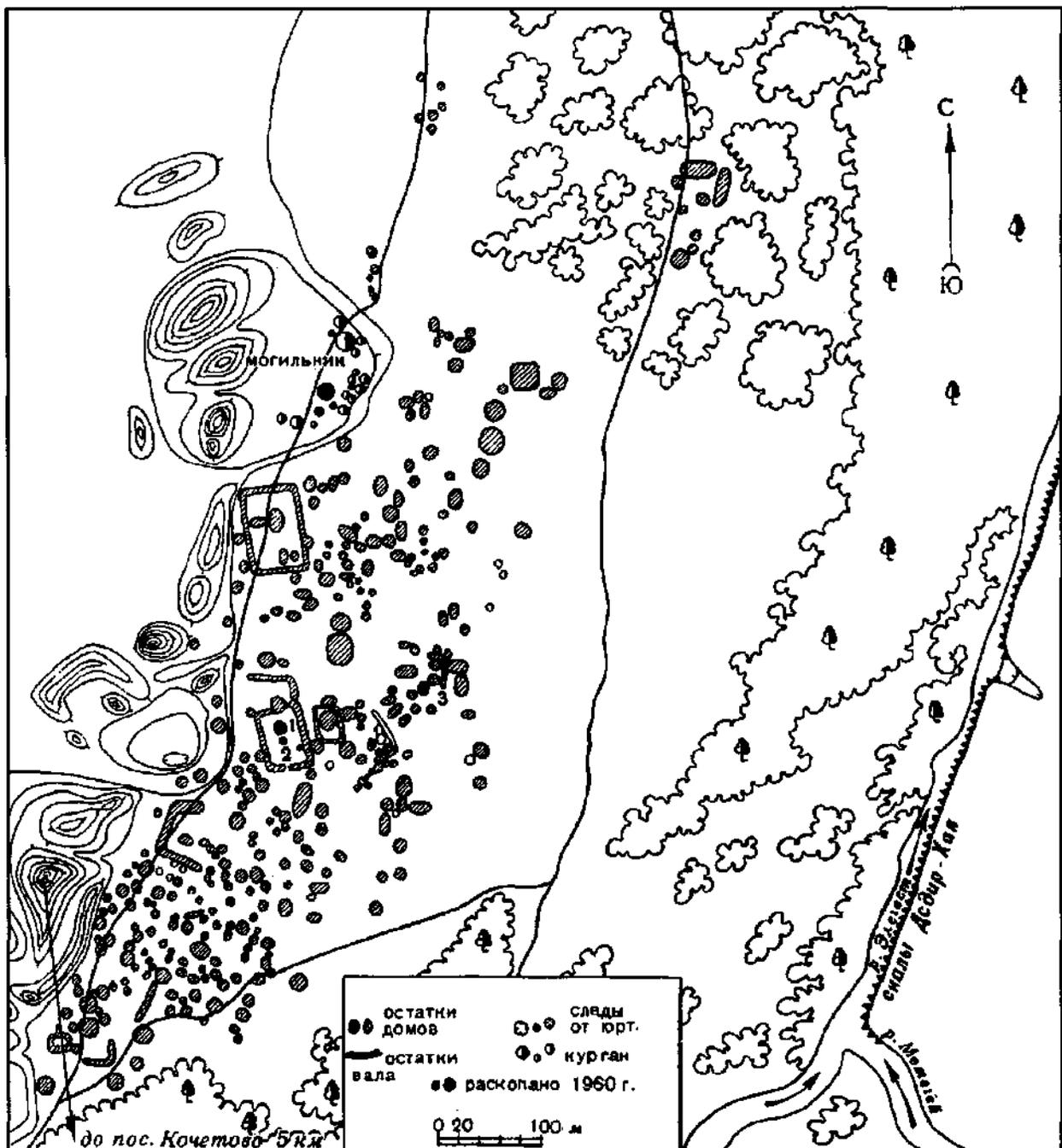

Рис. 3. План Межегейского городища

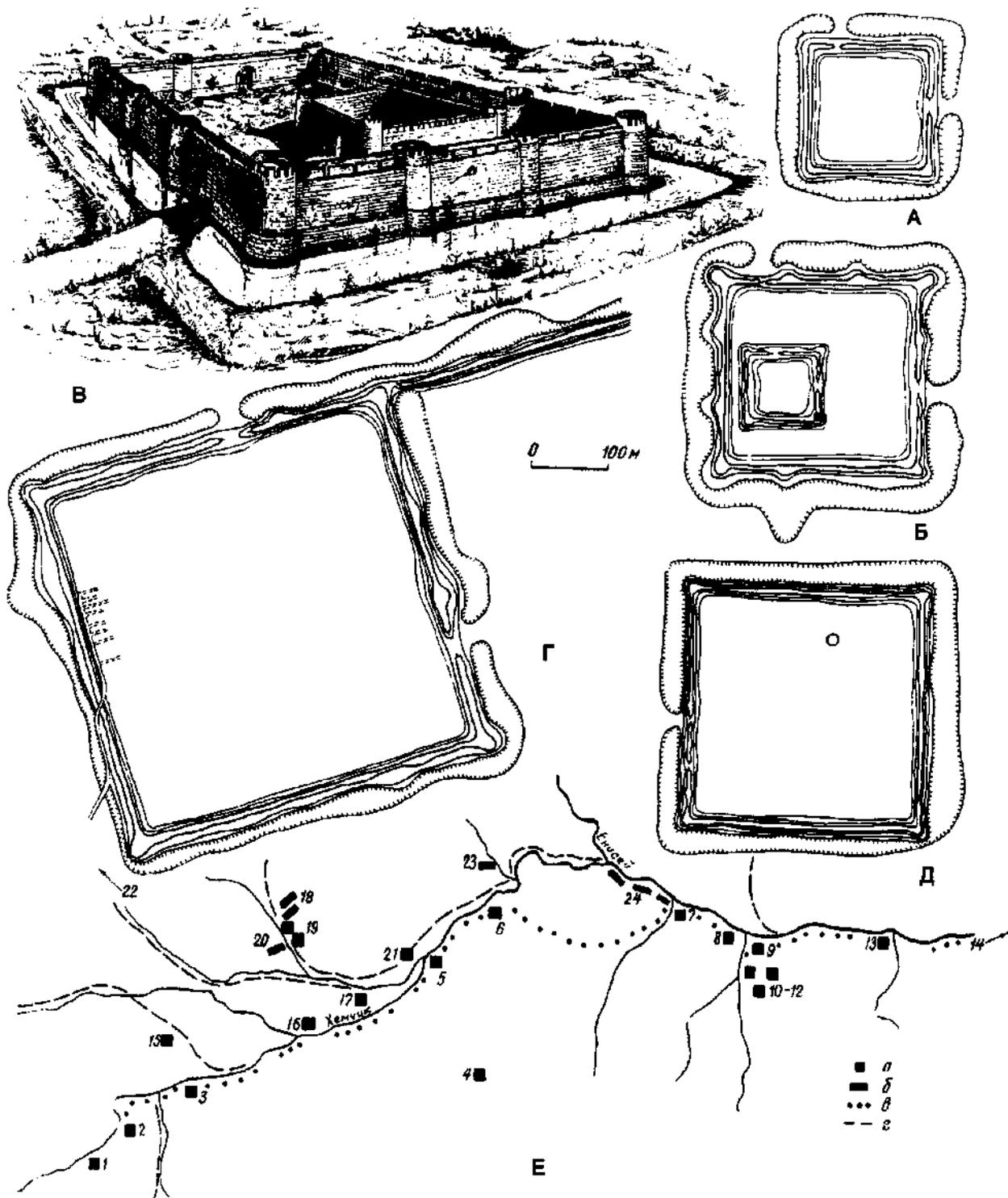

Рис. 4. Уйгурские крепости Тувы: А, Б, Г, Д – планы IV, III, I и II Шаганарских городищ; В – реконструкция III Шаганарского городища. Е – расположение пограничных укреплений древних уйгуров (1-13, 15-17, 19, 21) и хакасов (14, 18, 20, 22-24). а – глинобитные крепости, б – каменные стены, в – длинные глинобитные стены, г – начало троп через Саяны

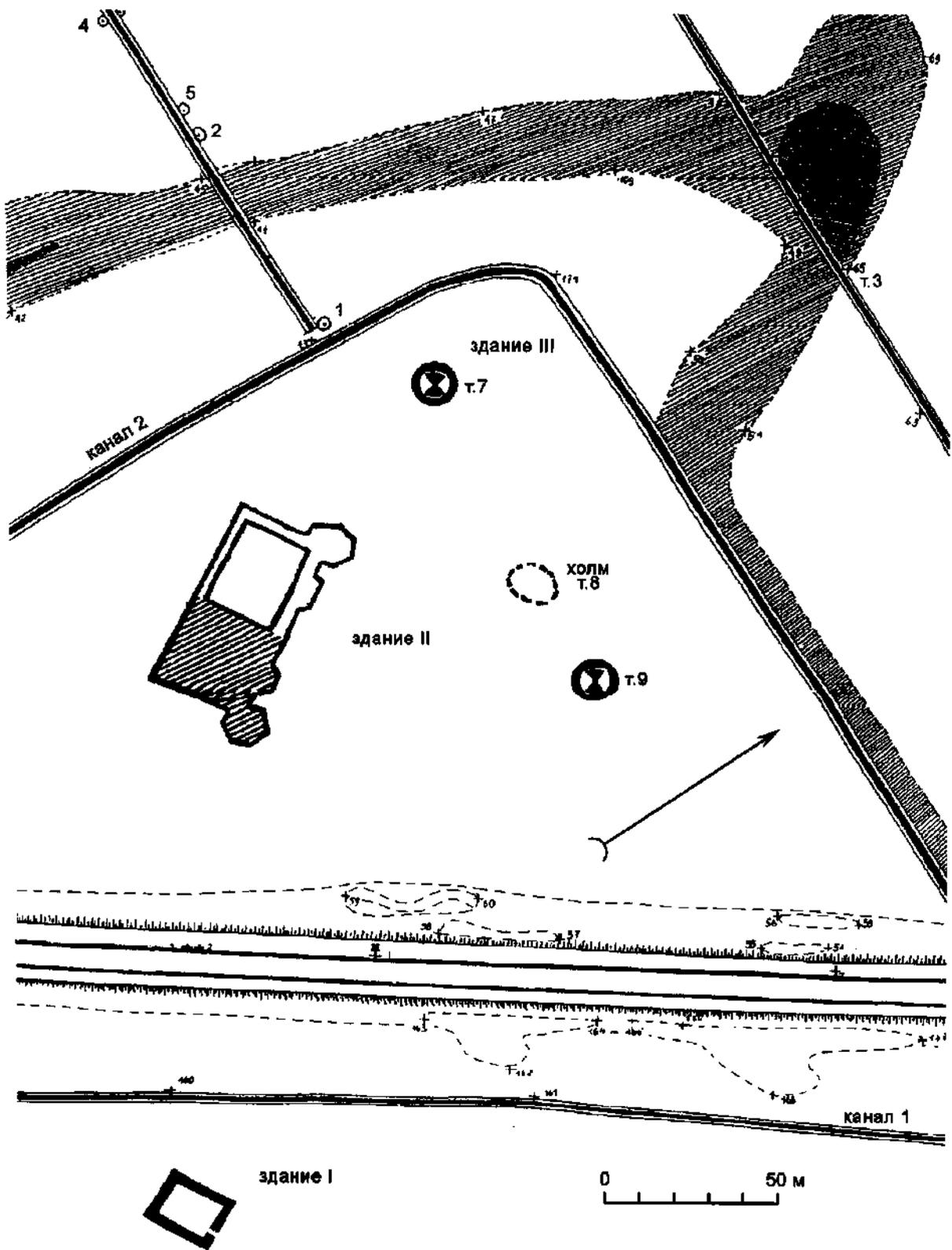

Рис. 5. Размещение изученных объектов Уйбатского города близ шоссе Абакан – Аскиз. Современная оросительная сеть и трасса древнего канала

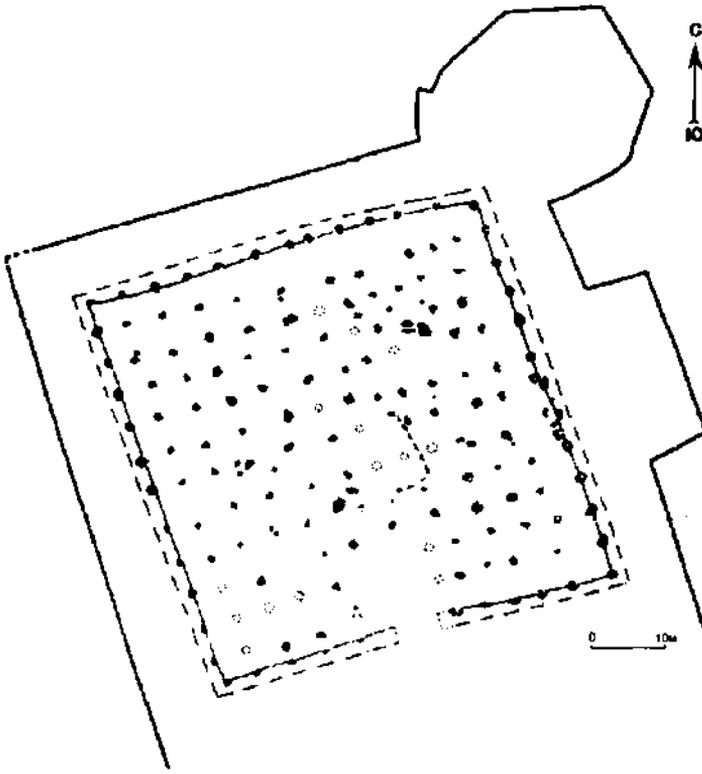

Рис. 6. Уйбатский город. План храма Солнца и контуров внешних пристроек (храмов Луны и Воздуха)

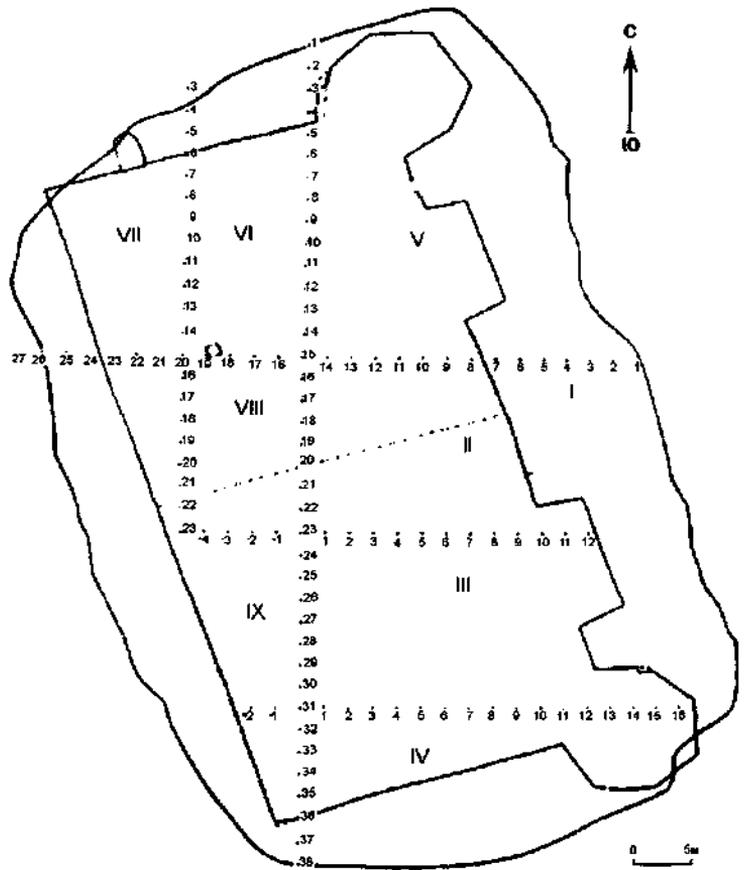

Рис. 7. Уйбатский город. Общий абрис храмово-монастырского комплекса. Расположение бровок и нумерация раскопов